

Секция «Востоковедение, африканистика»

Новые сведения об общинах китайской синкретической религии Цзайлицзяо на Дальнем Востоке СССР в 1920-1930 гг.

Маленкова Анастасия Андреевна

Аспирант

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Институт
стран Азии и Африки, Москва, Россия*

E-mail: a.malenkova@gmail.com

Китайская диаспора на Дальнем Востоке России, существовавшая там с середины XIX в. по 1930-ые гг., активно изучалась российскими историками в последние годы, однако ее внутренний мир все еще исследован недостаточно. Это же относится и к существовавшим там религиозным общинам, имевшим также и социальные функции и являвшимся, зачастую, своего рода альтернативой существовавшим там порядкам, во многом основанным на эксплуатации новых мигрантов посредниками-«старшинками», устраивавшими их за последующее вознаграждение на работу и часто также приобщавших первых к азартным играм и наркотикам (подробнее см. [1, 3]). Сейчас с уверенностью можно сказать, что среди китайцев Приморья и Приамурья, наряду с народными верованиями определенное распространение получила религия Цзайлицзяо (Лицзяо). Ее общины в этих местах уже стали объектом изучения [4, 6], однако целый ряд аспектов их жизни (характер отношений между последователями, внутренний вид храмов и т.д.) до последнего времени был практически неизвестен. В связи с этим, особое значение приобретают сведения, содержащиеся в дневниках тех, кто побывал на Дальнем Востоке в этот период и соприкасался там с жизнью китайской диаспоры.

Так, в дневниках М.М. Пришвина (1930 г.) упоминается повар-китаец Ювен, работавший при больнице, но мечтавший «уйти в горы совсем и молиться богу с монахами» (по словам писателя, большую часть жизни он проводил в строгом посте, что позволяет с большой долей уверенности говорить о его принадлежности к Цзайлицзяо). Автор описывает, как трое китайцев (хлебник, водонос и прачка), которые жили «в разных отдаленных друг от друга частях города», но были соединены «крепко между собой единством места рождения в Китае, привели в сподручные повару мальчика бойку и поручились за него: “наша люди”» [2, с.426], после чего повар был вынужден опекать мальчика.

Исследователи по архивным документам обнаружили в 1920-30-х гг. во Владивостоке три «молитвенных дома» Цзайлицзяо [3,4], однако подробные их описания впервые были обнаружены в дневниках советского китаевода А.Г. Шпринцина (1907–1974).

Находившийся на стажировке на Дальнем Востоке в 1927 и 1929 гг. студент-этнограф Александр Шпринцин обнаружил там два *гунсо* Цзайлицзяо. Интересно, последователи религии назвали ему ее название – Цзайли, но сам он так и не установил их конфессиональную принадлежность (со слов сопровождавшего его китайца, он записал, что они являются и даосами и буддистами). *Гунсо* в его понимании были «буддийскими молитвенными домами», а последователи Цзайлицзяо – сектантами, основной отличительной чертой которых был тот факт, что они не пили и не курили. «Богослужение» последователей этой религии заключалось в чтении «*цзинов*» (здесь – сутр). По-русски

они называли себя «староверной церковью», что очень заинтересовало молодого этнографа. Догадки его оказались верными: это было «сделано по аналогии с русскими староверами, которые не пьют и не курят». [5, л.6].

Особый интерес вызывает описание и зарисовки двух *гунсо*, сделанные Шпринциным в своем дневнике в этом же году. Первый из них, Дуншаньтан, выглядел так: «Налево от входа во всю комнату Большой “Алтарь”, он делится на три части вдоль колоннами. Вверху три надписи в два ряда (красный шелк вышито черным), <...> ряд бронзовых фигурок будд, по бокам их вазы с сухими (искусственными) цветами. В третьем отделе вместо будд фигурки какого-то старика с бородой с персиками. Перед ним в вазе курят свечи. Это Шоусин [бог долголетия]». [5, л.8].

Вторая «буддийская молельня» была «меньше и беднее, чем Дуншаньтан, совсем нет *дуйцзы* [парные надписи], алтарь значительно меньше и не так обставлен. Там чувствовался культ Гуанинь: «Во-первых книги внизу “алтаря” Гуаньиньцзин и Хайнаньцзин и другие. Во-вторых на серебряных подсвечниках выгравировано, если я не ошибаюсь, Гуаньинь даши [Махасаттва Гуаньинь]. [5, л.11].

Количество представителей этой синкретической религии, по свидетельствам китайцев, которых опрашивал Шпринцин, составляло около процента от всех китайских мигрантов.

В целом, материал дневников М.М. Пришвина и А.Г. Шпринцина содержит уникальные сведения о религиозной жизни китайцев Дальнего Востока, не сохранившиеся в других источниках, включая китайские.

Литература

1. Китайцы в Дальневосточном крае (18 февраля 1930 г.) (РГАСПИ, ф.514, оп.1, д.593).
2. Пришвин М.М. Дневники 1930–1931. Книга седьмая / Подгот. текста Л.А. Рязановой, Я.З. Гришиной; Коммент. Я.З. Гришиной; Указат. имен Т.Н.Бедняковой. — СПб., 2006.
3. Тертицкий К.М. Китайские синкретические религии в XX веке. — М., 2000.
4. Чернолуцкая Е.Н. Китайские буддисты в Приморье до и после советизации края (1900–1930-е гг.) //Межрегиональный институт общественных наук при Иркутском государственном университете. Кафедра истории России. Региональная научная конференция "Конфессии народов Сибири в XVII — начале XX вв.: развитие и взаимодействие". 3-4 февраля 2005 года, г. Иркутск http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sb-confess/4_5.html (25.02.2011)
5. Шпринцин А.Г. Личный архив (РНБ, отдел рукописей, ед.хр.52 (автограф). Дневник, 1927 г.).
6. Tertitski Konstantin. Zailijiao in Russia: A Chinese Syncretic Religion in Diaspora. // The Fourth Fu Jen University Sinological Symposium: Research on Religions in China: Status quo and Perspectives, edited by Zbigniew Wesolowski, SVD. Xinzhuang: Furen Daxue chubanshe, 2007. Pp. 414–443.